

Зимние ДЕТЕКТИВНЫЕ истории

Татьяна **УСТИНОВА**

Татьяна **ГАРМАШ-РОФФЕ**

Галина **РОМАНОВА**

и другие :-)

Галина Владимировна Романова
Ольга Ивановна Тарасевич
Ирина Хрусталева
Елена Ивановна Логунова
Екатерина Барсова
Татьяна Владимировна Гармаш-Рофф
Татьяна Витальевна Устинова
Зимние детективные истории
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62980740
Зимние детективные истории: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-117281-7

Аннотация

Зимние дни обладают ни с чем не сравнимым очарованием. Когда за окном непогода, а дома тепло и спокойно, это дарит особенное ощущение уюта. В такое время приятно налить чашечку кофе или чая, удобно устроиться с хорошей книжкой и на время забыть обо всем. Такую возможность вам с радостью подарят любимые авторы – Татьяна Устинова, Татьяна Гармаш-

Роффе, Галина Романова – и другие известные писательницы. Их увлекательные остросюжетные рассказы, вошедшие в сборник «Зимние детективные истории», непременно порадуют вас и принесут отличное настроение!

Содержание

Татьяна Гармаш-Роффе	5
Галина Романова	13
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Зимние детективные истории

Татьяна Гармаш-Роффе Фиолетовый февраль

Памяти моего сына

Славик смотрел в окно. День был молочно-сер и лилов, и густые, влажные хлопья снега занавешивали двор, насыщая тени этим самым лиловым... Или сиреневым? Славик еще не очень хорошо разбирался в оттенках цветов. Мама говорила, что «*lilas*» – это сирень по-французски, но тогда выходило, что *сиреневый* – от слова «сирень», и *лиловый* от него же... Так один это цвет или разный?! А фиолетовый, говорила мама, – это от слова «фиалка», и это темнее и гуще, почти как чернила... Славик никогда не видел ни фиалок, ни чернил, но ему казалось, что само слово «февраль» фиолетовое.

В пелене мокрого, вязкого снегопада копошились дети, а вокруг них прохаживались бабушки и папы. Славику хотелось к этим детям, туда, во двор, – лепить из мокрого снега комки, бросаться ими и бегать, то догоняя, то уворачиваясь, пока не станет жарко под шарфом, и он сорвет его с себя, и мокрые варежки сунет в карман, и начнет лепить снежки го-

рячими ладошками, и мама будет кричать: «Славик, надень варежки!»

Но мама была занята: она что-то готовила на кухне, и оттуда доносились запахи, которые он терпеть не мог: пахло жареным луком и рыбой. Он рыбу с жареным луком есть любил, но почему-то совсем не любил, когда пахло с кухни... Ему придется ждать, пока мама закончит готовку и сможет выйти с ним во двор: ему не разрешалось гулять одному в его неполных пять лет. А бабушка... – она жила в другом городе и не могла пойти со Славиком. А папа... Когда Славик спросил, где живет папа, мама сказала: «Он ушел». Славик немного подумал и задал вопрос: «А почему он не вернулся?»

– Он заблудился, – помолчав, ответила мама.

Славику представилось тогда, что папа вышел вот в такой день, как сегодня, когда часто падали крупные хлопья и все сделалось молочно-серым и лиловым, – и папа шел-шел сквозь февральский снегопад и заблудился. Потому что февраль – слово фиолетовое, как цветы фиалки и чернила, и в нем легко заблудиться... Поначалу Славик ждал, что папа найдет дорогу домой, но это было в другом феврале, он не помнил, в прошлом или позапрошлом... Теперь он больше не ждал. Ему хорошо было и с мамой. Только вот приходилось потерпеть, пока она дожарит рыбу.

Оторвавшись от окна, Славик обвел глазами комнату. На

полу лежал разобранный конструктор – любимое его занятие, – но сейчас отчего-то не хотелось в него играть. Он вяло повозил по полу несколько машинок, подвыл пожарной, которая резво въехала под шкаф – да так там и осталась. В другое время Славик бы развернулся (развернул машинку) и, весело завывая дальше, покатил бы ее к двери комнаты, затем по коридору, затем на кухню, пока не уперся бы в мамыны пятки. Но сегодня почему-то не хотелось. Сегодня ему было грустно. Он сам не знал отчего. Просто грустно, вот и все. Лиловое какое-то все. Или сиреневое. Или даже фиолетовое.

Он осмотрелся в поисках чего-нибудь нового. И вдруг увидел на диване несколько альбомов. Он вспомнил: вчера мама разбирала фотографии. Вчера Славика данное действие ничуть не заинтересовало, но сейчас, охваченный странной и тревожной грустью, он подошел к дивану и открыл тяжелую обложку альбома. Перелистнул одну страницу, другую... И вдруг замер. На него с одной из фотографий смотрела девочка. Наверное, ей было пять лет, как и Славику. В венке из полевых цветов и колосьев на светлой головке, она смотрела прямо на Славика, протягивая ему на раскрытой ладони несколько ягод земляники, и ее широко распахнутые глаза были такими веселыми, такими дружескими! А рядом с ее головой было солнце, и на этой фотографии все было желтое и белое, прозрачное, чистое!

Он сразу представил себя там, на этой полянке, рядом с

девочкой, – и уже видел, как они с ней начали вместе собирать землянику, и как стали играть в прятки, и как смеялись, и как поспорили, кто больше земляники соберет, и как ягоды смялись в его ладошке, когда он принес полную горсть... И как потом они решили взять кружку, чтобы не мять землянику, и как набрали ее доверху, и принесли ее маме... И как мама обрадовалась, и как они все втроем стали есть ягодку по ягодке из кружки: он, мама и эта девочка в венке... Такая хорошая и такая родная.

– Мам, – Славик притащил тяжелый альбом на кухню, – мам, а кто эта девочка? Я хочу с ней дружить!

– Ты с ней уже дружишь, – улыбнулась мама как-то особенно.

– Нет! Я ее не знаю!

– Знаешь. Это, Славик, я.

– Ты-ы-ы? – не поверил он.

– Я. Когда была маленькой девочкой.

– А куда делась эта девочка теперь?

– Ее теперь нет, потому что...

– Она умерла?! – перебил маму Славик, преисполнившись отчаяния. Он слышал, что есть такая ужасная штука, смерть, и она иногда вырывает людей из жизни.

– Да нет же, я просто выросла, стала взрослой!

– Но девочка эта – где она теперь?

– Славка, я же тебе говорю: она выросла. Я – выросла. А тогда была маленькой. Такой, как ты сейчас!

– Ты сейчас моя мама! А девочка эта – где она?

Мама оторвалась от плиты, прикрутив газ. Присела на корточки, заглянула сыну в глаза.

– Понимаешь, Славик, мы все растем... меняемся... Ты тоже вырастешь... И больше не будет этого маленького мальчика, какой ты есть сейчас...

– Я умру?! – изумился Славик.

– Да нет же, – растерялась его мама, не зная, как объяснить сыну феномен времени. – Ты не умрешь, конечно, нет! Ты просто станешь другим!

– Но тот, который я сейчас, – куда он денется?

– Ты вырастешь, – досадливо повторила мама. – Станешь однажды большим дядей... Иди поиграй, я скоро закончу, и мы пойдем гулять.

– Но я не хочу дядей быть!

Мама ему не ответила – не нашла слов – и отвернулась к плите. Не тут-то было, Славик потянул ее за фартук.

– Мам! А куда денусь я?! – он ткнул себя пальчиком в грудь. – Я не хочу, чтобы меня больше не было!!!

Вот ведь беда: сын уродился философом и норовил познать тайны бытия – тайны, которые пока никто еще не разгадал! При этом он требовал ответа от матери, а она не могла его дать.

– Малыш, время не спрашивает нашего согласия...

– Как же это так, Время? – спросил Славик, и глаза его наполнились слезами.

...Много, много лет спустя Станислав Игоревич, известный и талантливый художник, покидал кладбище. На могильном камне с овальной фотографии сияла счастьем та маленькая девочка, которой была когда-то его мама. Под ней была выбита надпись: *МОЕМУ ЛУЧШЕМУ ДРУГУ – МОЕЙ МАМЕ: МЫ С ТОБОЙ КОГДА-НИБУДЬ ВСТРЕТИМСЯ И БУДЕМ ВМЕСТЕ СОБИРАТЬ ЗЕМЛЯНИКУ.*

Станислав Игоревич утер глаза, садясь в машину. Его секретарь промолвил:

– Нестандартная у вас надпись на камне, Станислав Игоревич...

Комплимент был в этих словах или скрытая критика? Слава не знал и знать не хотел.

– У меня и мама была нестандартная, – сдержанно ответил он.

Переждав, пока разойдутся гости и родственники, Станислав Игоревич снял с себя черный костюм, стянул галстук, влез в привычные джинсы и достал с нижней полки книжного шкафа альбомы с фотографиями. Он разложил снимки матери в ряд и под каждым из них поместил свои, соответствующие по возрасту. Некоторое время он разглядывал фотографии, затем вывел пальцем из рядов две: где маме было

пять лет и ему столько же. Положил их рядом.

Они были похожи. Та девочка в венке из полевых цветов, с ясным и дружеским взглядом, протягивала на ладонке землянику тому, кто смотрел на эту фотографию; и он сам, точно с таким же взглядом, протягивал в объектив свою любимую пожарную машинку, готовый поделиться, готовый принять весь мир в друзья.

Он не заметил, как сын подлез под руку.

– Кто это? – ткнул маленький Игорь в фотографию девочки с земляникой. – Мне нравится эта девочка, кто она?

Пока Станислав Игоревич раздумывал над ответом, сын переключился на другой снимок.

– А этот мальчик кто? Я хочу с ним дружить, пап! Ты нас познакомишь?

– Видишь ли... Эта девочка... это твоя бабушка... А мальчик – это я.

– Как это? А куда они делись? Куда... куда вы делись?

– Мы никуда не делись, Игорек. Мы просто изменились.

– И что... теперь этой девочки... и мальчика этого... их больше нет?!

– Они есть, сынок. Они есть!

– Но ведь бабушка... Бабушка умерла!

– Нет, она просто *изменилась*, сын. Но она осталась навсегда с нами. Вот здесь, – он указал на фотографии. – И я, я тоже буду постепенно изменяться... И тоже останусь здесь. Пока ты смотришь на эти фотографии, пока ты думаешь о

нас – мы всегда будем с тобой, Игорек...

Галина Романова

Второй подарок судьбы

Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мутило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания.

Когда же она перестала любить самый дорогой свой праздник? Тогда, когда за праздничным столом она осталась в полном одиночестве и была под бой курантов, комкая край нарядной скатерти? Или как раз в тот неожиданный момент, когда ударил ей в нос этот самый запах свежеспиленного дерева, пришло отвращение? Точно и не скажешь. Все смешалось, наслоилось друг на друга, и отделить теперь одно ощущение от другого вряд ли возможно. Да и не хочется, если честно, опять больно очень будет.

Раньше, когда живы были папа, мама и ее любимый муж Ванечка, она обожала Новый год. Они начинали готовиться к празднику за месяц. Да что там за месяц! Сразу после ноябрьских праздников и начинали готовиться. Составлялось праздничное меню, над обсуждением которого все домаш-

ние ломали голову, дополняя, вычеркивая, советуя. Потом потихоньку покупались продукты. Сначала жестяными банками обрастали кухонные полки, потом – вакуумными упаковками, а чем ближе к самому празднику, то уже и мясо приобреталось, непременно гусь, а однажды даже был куплен молочный поросенок. И еще, конечно, мандарины. Покупали их они ведрами, и никогда не бывало много. Забивали ими все до единой вазы для фруктов. Громадный стеклянный куб в гостиной, служивший столом для газет, переворачивался на попа и набивался мандаринами под завязку. И пахло в доме так чудесно, так празднично: мандаринами, пирогами, жареным по исключительным специальным рецептам мясом, зеленым луком и свежими огурцами. И хвоей, конечно же, тоже пахло, и нравилось это тогда, очень нравилось.

Они с Ванечкой вместе наряжали мохнатую красавицу, оспаривая друг у друга место для каждой сосульки, каждого шарика и мишуры. И она тогда подолгу держала в руках каждую еловую лапу, втягивая в себя запах незыблемого праздничного удовольствия, оно же ведь именно так пахло-то. А потом...

Потом был краткий репортаж в новостях с бегло струившимися по экрану фамилиями погибших в авиакатастрофе. Потом буквы бежать по экрану перестали, сменившись тремя телефонными номерами, по которым необходимо было позвонить родственникам погибших для каких-то там неле-

пых уточнений. Что можно было уточнить, если погибли все! Все до единого, включая экипаж!!!

И все! На этом все и закончилось. Закончилось ее счастье, безмятежное ожидание дня грядущего, закончилось ожидание самого любимого из самых милых праздников. Она больше не наряжала елку, не закупала продукты, не составляла меню и почти ничего не готовила к праздничному столу. Зачем?! Для кого?! Друзья и родственники усиленно зазывали ее ежегодно в канун тридцатого декабря. Пытались растормошить, взбудоражить, заставить очнуться, она отказывалась:

– Я привыкла Новый год встречать дома.

Она нисколько не лукавила, отвечая на приглашение отказом. Это было так. Каждый раз, из года в год – только дома. Только в родных стенах, с родными людьми. Она привыкла...

От прежних привычек мало что осталось. Только вот мандарины она по-прежнему покупала. Не так много, как раньше, но покупала, по той же самой привычке переворачивая стеклянный куб.

– Здравствуйте, Настя.

Из двери соседней квартиры вышел небритый, никогда не улыбающийся мужик, сунул в карман зимней куртки с меховым капюшоном пачку сигарет, похлопал себя по карманам, словно искал что-то, но вдруг опомнился, повернулся к ней и буркнул:

– С наступающим вас праздником.

– Здравствуйте. Спасибо. Вас также, – ответила она тихо, совсем не помня, как зовут нового жильца.

Знала, что они переехали с полгода назад, может, чуть больше. Знала еще, что скандалили с женой постоянно. Слышимость в их доме была исключительная, стена их спальни соседствовала со стеной спальни Насти. Хочешь не хочешь, а узнаешь, как ненавидит она похотливого козла, а он видеть не может безмозглую стерву.

Еще у них был сын, подросток. Машина, кажется, какая-то имелась, потому что сосед постоянно крутил на пальце ключи. А вот как зовут его...

Нет, она не знала или не помнила, черт его знает. Жену вроде бы Леной звали. Он часто называл ее по имени. Сына – точно знала, что Тимур. А вот самого хозяина ей не представили. Неудобно как-то получалось. Он ее всегда – Настя, Настя, а она...

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Вы не скажете, как вас зовут? Как-то неудобно, вы мое имя знаете, а я ваше – нет... Может, вы и представлялись когда-то, а я забыла. Извините.

Панкратов уже успел опустить ногу на одну ступеньку, решив, что не поедет сегодня лифтом, а пойдет пешком. Ему требовалось немного привести себя в чувство после очередных откровений любезной сердцу супруги, начитанных ему полчаса назад по телефону. Досчитать до сотни или до тыся-

чи, к примеру, лишь бы перестать сжимать кулаки в карманах и перестать ненавидеть мать своего сына так люто, так остро, что все чаще хотелось ее удавить.

Девушка из соседней квартиры совершенно неожиданно окликнула его. Обычно рот ее едва размыкался для скупого приветствия. И смотреть-то на него она почти не смотрела, а все больше – мимо. А тут вдруг имя его ей понадобилось. Позабыла, говорит! А он и не представлялся ей никогда. А ее имя он узнал из сводок. Просто как-то с перепугу или от безделья сделал запрос на свою соседку и получил скупую казенную информацию, от которой у него моментально взмокла спина. Он тут же и неприязненную отчужденность ей сумел простить, и то, что однажды она захлопнула дверь у него перед носом, отказав в кружке сахара.

Настя похоронила всю свою семью! Вернее, то, что осталось фрагментарно от ее родных, то, что смогли собрать, что уцелело в той жуткой катастрофе. Мать, отца, мужа, с которым не успела дожить до трехлетнего юбилея их свадьбы. Она осталась совершенно одна. Ни с кем из соседей, как он потом узнал из бестолковой болтовни своей жены, она не общалась. На субботники во двор выходила регулярно, но, отмахав положенное время метлой, уходила, так и не обмолвившись ни с кем ни словом.

– Гордячка хренова! – фыркала Лена, успев за полгода окружить себя целой толпой сплетниц, полирующих задницами дворовые скамейки. – Много о себе понимает! Ей бы

судьбу свою устраивать, мужика себе найти, дите родить, а она от всего мира отгородиться хочет. Так и останется одна, годы идут, а глянуть-то особо не на что!

Здесь супруга Панкратова привирала безбожно. Настя была очень симпатичной, очень. Среднего роста, светловолосая, с пронзительными черными глазищами, тонкой талией и такой потрясающей попкой, что...

Короче, Панкратов очень долго и очень честно пытался оставаться безучастным.

Ну, живет по соседству с ним – из двери в дверь – девушка, и что? Ну, одинокая, ну, симпатичная, ладненькая, и что дальше-то?! Зайти порой к ней хочется, да? Хочется позвонить в ее дверь, обходя свою стороной, и переступить порог? Ну а дальше-то что? Что?!

Дальше ничего у Панкратова не выходило. Ничего романтического, красивого, испепеляющего и обжигающего изнутри вырисовываться не хотелось.

Настя оттолкнет его, в лучшем случае. В худшем – закричит или даже ударит. И плевать ей наверняка на его нежность, от которой его начинало трясти, как подростка. Ладони становились липкими, когда он стоял позади нее в лифте или возле дверей на лестничной клетке. Плевать на то, что он часами не мог заснуть, высверливая воспаленными от темноты глазами в общей стене их спален дырки. И уж, конечно, она совсем не была обеспокоена тем, что он вот уже как три месяца не может спать со своей Ленкой из-за нее.

Ей плевать на него, на его чувства, на то, что его брак, как подбитый корабль, стремительно идет ко дну, и ему просто необходимо сейчас что-то изменить в своей жизни, что-то нужно предпринять, срочно, чтобы выжить, или хотя бы начать пытаться. А как без нее? Без нее-то не получится.

– Меня зовут Сергей, Настя. Панкратов Сергей. – Он вернулся, встал с ней рядом и протянул руку – идиот – как боевому товарищу. И снова повторил: – Сергей...

– Очень приятно. – Она раздумывала минуты три, прежде чем решилась снять варежку и вложить свою ладонь в его пальцы. – А я Настя.

– Мне тоже очень приятно. Вы... Вы как поживаете, Настя?

Еще раз идиот! Панкратов едва не застонал вслух от своей косноязычной тупости. Ничего умнее не придумал, как о ее житье-бытье спрашивать?! Знает ведь все доподлинно: работа – дом, дом – работа, магазины и редкие визиты к родственникам. Больше ничего в ее жизни нет. Нет места чему-то еще. Какого, интересно, ответа он ждал?

А ответ неожиданно его сразил.

– Я... Я очень плохо поживаю, Сергей. – Ее ресницы часто-часто затрепетали, пытаясь проморгать застаревшее горе. – Очень! Новый год скоро, а я... Я ненавижу его теперь! Такая непроходимая глухая тоска... Господи, что я несу?! Простите, мне пора...

Она выдернула свою ладонь из его пальцев, повернулась

к нему спиной, быстро вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Настя почему-то замешкалась и дверь не толкнула ногой, чтобы та захлопнулась. Она же всегда так делала: заходила и, прежде чем пристроить пакет с сумкой на столике под зеркалом, пинала дверь ногой. А сегодня не стала. А когда повернулась, успев стянуть с головы шапку вместе с резинкой для волос, он уже вошел. Вошел, закрыл за собой дверь и стоял теперь, привалившись к ней спиной.

– Сергей? Вы... Вы что тут делаете? – Она растерялась, начав растягивать резинку для волос в подрагивающих пальцах. – Вы вошли без приглашения, вам не кажется?

– Кажется, – согласился он покорно. – Но еще мне кажется, что я его никогда не дождусь.

– В смысле?!

– В смысле: приглашения не дождусь. А мне бы этого очень хотелось. Вы, Настя... Вы удивительно хрупкий и ранимый человек, я очень боюсь вас обидеть, напугать и... Можно, я все-таки произнесу то, что хочу сейчас сказать? Не хочу мямлить, как герой из мелодрамы, который всегда замолкает в самом неподходящем месте, оставив все самое главное и нужное недосказанным. Можно, я вам все скажу?

Что ей делать с ним? Она не испугалась, нет. Не в лесу же! Не разбойник вооруженный напротив, бояться особенно было нечего, но...

Но она почти знала, что он скажет. Почти догадывалась.

Последние две недели отчетливо слышала из-за стенки, как орал он своей жене, что не любит ее, не хочет так больше жить, что так невыносимо и нужно что-то менять и он готов.

– Я не готова, – произнесла она вслух, покачав головой. – Сергей, я... Я думаю, что я не готова услышать от вас что-то такое... Вы можете ошибаться, а мне... Мне во второй раз просто не пережить каких бы то ни было потерь, я...

– Вам нужно попытаться просто жить, понимаете! Просто начать жить, Настя! Я все последние месяцы думаю постоянно о вас. Вернее, ни о ком другом я просто не думаю, только о вас. Мне очень трудно сейчас. Очень!

– Вам не кажется, что роман с соседкой отдает пошлостью?

Его нужно выгнать! Нужно обойти его слева. Открыть замок и выставить его вон, пока его жена не вернулась с работы. Пока не застучала его, выходящего из ее квартиры. И не устроила один из своих безобразных скандалов, на которые она была мастерица. Нужно все это сделать, чтобы прекратить эту непристойность. И чтобы этот небритый не улыбочивый мужик перестал смотреть на нее так, что сводит коленки. И замолчал бы наконец, перестав нести вздор о каких-то там неожиданно вспыхнувших чувствах.

– Господи, Сергей, какая любовь?! О чем вы говорите?! – Она отвела от него взгляд с одной лишь целью – не уступать ему, удержаться. – У вас семья, сын. Как вы представляете себе наши отношения? Вы станете шастать ко мне, когда их

нет дома? Станете прислушиваться к звукам поднимающегося лифта, прежде чем выйти из моей квартиры? Станете в глазок обследовать лестничную клетку, прежде чем открыть дверь? Это гадко!

– Да, гадко. Но я не так хочу.

Панкратова скрутила такая непроходимая тоска, что хоть бейся головой о ее металлическую дверь. Она думает о нем как о мерзавце. Он для нее – обнаглевший самец, и только. Обнаглевший, небритый, уставший от дома и семьи самец, которому вдруг взбрело в голову завести интрижку со своей симпатичной соседкой.

– Я хочу, чтобы все было не так. По-другому хочу, Настя.

– Как?

– Я уйду от нее.

– Ко мне?! Но позвольте!.. Я имя-то ваше узнала десять минут назад, а вы такие вещи мне говорите! Уходите! Уходите, Сергей.

И она обошла-таки его слева. И замок начала открывать, хотя разволновалась и пальцы чуть подрагивали.

Нужно, нужно, нужно срочно выставить его из квартиры. Пускай уходит на все четыре стороны! К жене, к сыну, к своим домашним тапкам и любимому, продавленному его задом креслу. Пускай оставит ее в покое! В том самом гнетущем, опустошившем за минувшие годы душу и мысли покое. В покое, заставившем ее позабыть, что она – женщина!

Черт бы все побрал на свете! Все не желающие долететь

до земли самолеты!!! Все погубленные чужие жизни!!! Все потухшие судьбы, оставшиеся существовать на земле! Все обеты никчемной верности! Верности меркнувшим призракам. Все те праздники, которые умоляешь обернуться скорым сновидением, чтобы они не тянулись так долго!

– Настя... – Его руки легли ей на плечи, и Сергей потянул ее на себя, подальше от двери и не поддающегося ее пальцам замка. – Настя, не надо...

Как же быстро!

Она совершенно успела позабыть за минувшие после катастрофы годы, какими сноровистыми и умелыми могут быть мужские руки. Как незаметно они могут расстегнуть зимнюю куртку и швырнуть ее куда-то к ногам. И как пальцы обжигают кожу, она тоже позабыла. И губы – какими они могут быть настырными, а щетина – совсем не грубой. Она все позабыла, все! И только теперь поняла, как скучала без всего этого. Как ей не хватало именно этого безумного натиска, этих пустых слов, выдыхаемых судорожно сведенным ртом. С неузнаваемой, не свойственной ей ненасытностью она хватала его за плечи, бедра, стягивала с него растянутый мешком свитер. Бесстыдно дергала за ремень на джинсах и стаскивала их с него, опустившись перед ним на колени. Жадно захватывала его губы своим обезумевшим алчным ртом и что-то тоже шептала, шептала, шептала ему в ответ. Что-то, во что неумолимо верилось...

– Настя, – Панкратов накрыл ее губы ладонью, когда она,

оттолкнувшись от стены, попыталась что-то сказать. – Ты только ничего сейчас не говори, хорошо?

Она пожалала плечами, оглядываясь. Свалка из их вещей в прихожей получилась внушительная. Как они успели так стремительно раздеться, ума не приложить! словно ураганом сорвало с них джинсы, свитера и ботинки. Как вихрем!

Ничего не говорить...

А что она может ему сейчас сказать? И что ответить, если он ее о чем-то спросит? Да ничего! Все произошло слишком стремительно, слишком, чтобы это могло поддаваться каким бы то ни было обсуждениям и анализам. Да и стоит ли? Он сейчас оденется. Осторожно выглянет из-за двери и уйдет. Он ведь куда-то собирался, когда она окликнула его. Может быть, даже встречать свою жену с работы. Вот и пойдет доделывать то, от чего его так некстати оторвала выбившаяся из-под контроля страсть женщины, живущей по соседству.

Штаны он застегивал, повернувшись к ней спиной. Долго чертыхался, пытаясь застегнуть ремень, шнуровал зимние ботинки тоже с неудовольствием на лице. Настя одеваться не стала. Продолжала стоять голой посреди прихожей и смотреть на него со смесью вины и сожаления.

– Не смей на меня так смотреть! – вдруг рявкнул он, хватая ее за спину и привлекая к себе. – Не смей сожалеть! Не смей считать себя виноватой в чем-то! Никто... Запомни! Никто и ни в чем не виноват! А ты... – Он потерялся заросшей щекой о ее плечо, провел губами по выпирающей косточке

ключицы. – Ты потрясающая! Я просто обожаю тебя, Настя! Просто обожаю!!!

И он ушел. Ушел, свободно распахнув ее дверь, совсем позабыв припасть к дверному глазку и обезопасить пути своего ухода. И лифт он совсем не слушал, а она-то придумала... А потом и вовсе! Вышел на лестничную клетку, двинулся к ступенькам, потом вдруг остановился, что-то вспомнив. Снова похлопал, как и давеча, себя по карманам куртки. Не нашел. Поднял глаза на нее, указал на ее голое плечо, выглядывающее из-за двери, и погрозил пальцем:

– А ну-ка, быстро оденься! Не хватало еще, чтобы ты заболела в новогоднюю ночь. Кстати, ты в курсе, что я собираюсь встретить Новый год с тобой?

– Нет.

Она мотнула растрепанной головой, не понимая, почему он совсем не соблюдает конспирацию и говорит достаточно громко. Достаточно для того, чтобы его слышали соседи из квартиры напротив. Или его жена, если она успела к этому времени вернуться.

– Ага. Так вот знай. И с работы я сегодня приду к тебе, – пообещал Панкратов и тут же полез за надрывающимся мобильником, на котором высветился телефон начальника управления. – Правда, не знаю, во сколько я вернусь...

– Дрянное дело, Серега. Очень тухлое и дрянное, – подвел черту под экстренным совещанием, закончившимся около девяти часов вечера, его соратник по оружию Ванек Воронин.

– Почему ты так думаешь? – спросил Сергей, сам не понимая, о чем спросил.

Панкратову было плевать, что именно и в какой связи думает теперь Ваня Воронин. Он думал только о Насте, только о ней одной, и о том еще, что сегодняшнюю ночь он проведет уже в ее кровати. Целая серия грабежей, которые совершали наглые налетчики, переодетые Дедами Морозами, причем уже вторую неделю, его, конечно же, волновала, но не настолько, чтобы вытеснить из мыслей Анастасию. На совещании он скорее присутствовал, чем слушал, думал и сопоставлял. Его даже начальник пару раз одергивал. Теперь вот Воронин привязался.

– А ты как думаешь, Сереж? – Иван округлил голубые глаза. – Ты как думаешь?

А он никак не думал, вот! Правильнее, он о грабежах не думал, а все больше о Насте. Грабежи – они были, есть и будут. Да, неприятно, что канун Нового года в городе омрачен наглыми вылазками каких-то отморожков. Да, скорее всего, накрыть эту банду будет нелегко. Да, имеются уже и жалобы

от пострадавших, считающих, что милиция бездействует. Но так ведь было всегда. Пострадавшие очень редко переключались в разряд благодарных.

Даже если преступление раскрывалось, Панкратову редко кто говорил спасибо. Почему? Да потому, что он лез в душу с погаными ментовскими вопросами, все больше некстати, на их взгляд. Потому что очень медленно работал. Потому что вернуть награбленное редко кому удавалось: поделено, сбыто и пропито между преступниками давно уже все оказывалось к тому моменту. Много набиралось этих «потому что» за его многолетнюю практику, очень много. Вот он и привык не видеть за работой чужих эмоций. Его теперь все больше свои эмоции интересовали.

– Вот смотри, Сереж, что говорят свидетели, – не хотел униматься Ваня Воронин, хватая направившегося к выходу Панкратова под локоток. – Дедов Морозов, по описаниям, всегда трое! Один очень высокий и плотный. Второй чуть ниже и похудошавее, а третий – совсем щуплый и низкорослый. О чем это говорит?

– О чем? – рассеянно отозвался Панкратов, чтобы не молчать вовсе.

– Думаю, третий Дед Мороз – женщина!

– О как! А может, и не женщина вовсе, а подросток? Или щупленький такой мужичонка, язвенник какой-нибудь. Почему непременно женщина, Ваня?

– Так след от сапога очень характерный. Маленький.

– И что? А подошва характерна для мужской обуви. Разве не так говорили на совещании? Так! Потому и говорю, что это может быть либо мелкий мужик, либо пацан совершенный. А что дело дрянь, тут я полностью на твоей стороне. Попробуй вычисли их в таком-то гриме! Сейчас ведь по городу эти Деды Морозы стаями бродят. Не станешь же их всех хватать и тащить в отделение на проверку? Нет, конечно. Мероприятия посрываешь, потом штрафные санкции еще выставят. Они же не за так поздравляют детей, стариков и прочих. Н-да... Наружное наблюдение тоже по всем дворам неставишь. Где их столько набрать-то? И ведь по районам выстреливают бессистемно, мерзавцы! Никакой паутины, никакого порядка. Будто шли, шли и набрали случайно.

– Ну, не так уж и случайно, – не согласился Иван. – Двери-то выбирают, что подороже.

– Это да, – не стал спорить Панкратов. – Выбирают, звонят, если не открывает никто, начинают действовать. А если открывают, начинается балаган с новогодними поздравлениями. Все умно, все лихо. Тухлое дело...

– Вот и я о том же! – обрадовался Воронин тому, что старший наставник наконец-то его поддержал, перестав сидеть как сомнамбула. – Если они сами не проколются, нам их не взять, Сереж. Кстати, я все хотел тебя спросить...

– Чего? – Панкратов оглянулся на коллегу, тон у того поменялся, стало быть, сейчас начнет в душу лезть.

– Ты что это такой сегодня на совещании сидел?

– Какой?

– Ну... Как пыльным мешком ударенный. Глаза такие томные, томные, и зевал через раз. Ленка имела счастье застать любимого супруга врасплох? Примирение состоялось? Я не ошибаюсь?

– Ошибаешься.

Панкратов криво ухмыльнулся: посвящать друга в подробности своего неожиданного секса с соседкой он не собирался. Табу на все, что связано с Настей, для посторонних. Ни глаз, ни ушей он не допустит до того, что так неожиданно и зыбко наметилось. Ревностным суеверием отдавало, ну и пусть. Это только его и ее, и ничье больше.

– О-о!!! Кажется, я что-то пропустил в этой жизни! – Воронин хитро заухмылялся, ткнув его в бок локтем, когда нагнал возле двери. – Наш Серж, кажется, нашел-таки себе подругу! Надо же, надо же, не прошло и пятнадцати лет застойного супружества, чтобы он наконец созрел до...

– Слушай, Ваня! – зубоскальства в адрес Насти он не потерпит тоже и, уж конечно, не хочет знать, каким именно словом обозначит Воронин их отношения. – Замолчи, а! Если не хочешь получить по башке, замолчи.

– Понял. Понял, брат! – Воронин саданул его по плечу, дурашливо пропев: – Это любовь, это точно! Это любовь, да-да, конечно! Это любовь, ого-ого!.. Ну пошли, что ли, по домам?

По домам разойтись у них так и не вышло. Стоило спу-

ститься на первый этаж и дойти до дежурной части, как их тут же остановили. В пригороде произошло убийство, нужно было выезжать. Пока дождались машины, которая уехала на заправку и словно провалилась прямо там в нефтяную скважину; пока расселись, пока дождались прокуратуру... Выехали наконец, потеряв почти час. Осмотр места происшествия, опрос возможных свидетелей – все заняло так много времени, что к дому Панкратова доставили, когда уже ночные звезды начали меркнуть.

Гигантскими прыжками перескакивая через две ступеньки, Сергей поднялся на свой этаж и с бешено колотящимся сердцем застыл возле дверей. Звонить к Насте или нет? Начало четвертого, спит наверняка. Что делать-то? Может, отложить визит до утра? Хотя и утро уже не за горами. Утро, когда она станет собираться на работу. Станет бегать по квартире с зубной щеткой за щекой, роняя огромные кляксы зубной пасты на пол. Потом будет хватать, обжигаясь, термобигуди из старого закопченного ковшика. Чертыхаться, нервничать, покрикивать на него...

Так, стоп! О чем и о ком это он?! Это же все про Ленку, не про Настю! Это его жена так отвратительно начинает каждое утро. Звонить или нет в дверь?..

– Ты что тут стоишь, не пойму?!

Ленка! Какого-то черта поднялась с постели в половине четвертого, открыла дверь и таращит теперь на него сонные злые глаза.

— Я? — Панкратов, пойманный врасплох в момент запретных размышлений, растерялся. — Ничего я не стоял. Только поднялся. Ключи вот ищу.

И для пущей убедительно он похлопал себя по карманам.

— А-а-а, ну входи, что ли, — буркнула Лена, чуть шире распахивая дверь и отступая внутрь прихожей. — Не май месяц на дворе. Морозно...

Он смалодушничал и зашел в свой дом, а ведь не хотел, не хотел! И крался потом по собственному дому, как преступник какой-то. Все боялся, что Настя услышит его, хотя ведь спать была должна. В кровать ложился, боясь скрипнуть лишний раз застаревшей пружиной. И бога молил, чтобы Ленка молчала. Чтобы уснула она, едва улеглась ее голова на подушку. Он потом, завтра все объяснит Насте. Почему не стал в дверь звонить. Почему уснул на своей кровати. А может, и просто, без объяснений, зайдет в ее квартиру и останется там насовсем.

Утром он собрать свои вещи не успел. Проспал, не услышав будильника, хотя и завел его на полседьмого. И Настин уход на работу тоже проспал. Долго звонил в дверь, ему никто не открыл. А номер телефона спросить не додумался, когда подбирал свои вещи в ее коридоре. Или умышленно не спросил, из боязни, что фраза «я тебе позвоню» прозвучит банально. Теперь вот карауль ее. А ведь разве укараулишь? И как укараулить, если не успел он заявиться на службу, как его сразу отправили на происшествие. Потом поступил сиг-

нал, что в местном парке видели подозрительного мужчину, по приметам походившего на маньяка, давно и безуспешно разыскиваемого всей местной милицией. Выезд никаких результатов не дал, но сама дорога и опрос очевидцев заняли так много времени, что домой Панкратов вернулся ближе к полуночи.

Прежде чем войти в подъезд, он долго стоял во дворе и курил, посматривая на ярко освещенные окна Анастасии. Она была дома! Ну что же, ну что же. Значит, так тому и быть. Сейчас он зайдет к себе, соберет все необходимое в любимую дорожную сумку с трижды пришитой ручкой и без дополнительных соглашений и разрешений пойдет к Насте.

Семья... Его семья, которую он сегодня собирался оставить раз и навсегда, странное дело, его дожидалась. Тимур сидел, насупившись, в своей комнате за компьютером и резался в какую-то отвратительную «стрелялку». На вопрос отца, почему не спит, буркнул, что не хочется, и даже головы не повернул в его сторону. Панкратова это не удивило. С сыном они давно не ладили, разойдясь в вопросах воспитания.

Прикрыв дверь, он пошел в свою спальню и неожиданно наткнулся в гостиной на Елену. Это было более чем странно. К этому часу супруга обычно пребывала в кровати, либо спала, либо читала что-нибудь. А теперь сидит в углу дивана нахохлившейся вороной, при полном параде, то есть в блузке, юбке и зимних сапогах. А как же любимая пижама, успевшая растянуться до размеров парашюта? Как же слой

жирного крема на щеках? И в сапогах – в гостиной! Это вообще... Она же его гоняла, если он на шаг заступит с придверного коврика – схватить пачку сигарет с полки. А тут вдруг при одеждах да возле полуночи, непонятно...

– Ты чего здесь? – буркнул Панкратов и тут же, не дав ей ответить, спросил как бы мимоходом: – Где моя сумка дорожная?

– Сумка? – Ленка глянула на него затравленным зверьком и тут же принялась натягивать юбку на острые коленки. – Дорожная? А зачем тебе сумка? Уезжаешь?

– Нет, не уезжаю. Ухожу. Так где?

Она спрыгнула с дивана очень резво и попыталась поднять сиденье. Панкратову пришлось ей помочь. Сумка была в диване. Он выхватил ее, осторожно вернул на место диванное сиденье и без лишних слов двинулся в спальню. Открыв шкаф, подумал минуту и начал скидывать на кровать стопки своих трусов, маек, штанов и свитеров. Что поместится, то и поместится. А что не влезет, он потом заберет, благо нести недалеко.

Супруга вошла минут через десять. Он уже успел набить сумку под завязку, застегнуть молнию и вернуть неуместившиеся вещи обратно на полки, сунув их туда комком.

Она вошла, прикрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, выдохнула с горечью:

– Значит, и в самом деле уходишь.

– Ага. Ты давно хотела со мной развестись, вот твое же-

ление и исполнилось. – Взяв сумку под мышку (ручка снова оказалась оторванной), он пошел прямо на нее. – Только, Лен, давай без истерик, хорошо? Не нужно орать, обзывать-ся, я принял решение и менять его не собираюсь. Идет?

– Идет, – кивнула она согласно. – Только уж скажи, где тебя искать, если что? Мало ли зачем ты понадобишься мне или Тимуру. Так куда... Вернее, к кому ты уходишь, Сережа? Ты ведь не на вокзал и не в гостиницу, правильно я поняла? Ты же к женщине от меня уходишь?

– К женщине, – не стал он врать.

– Ага... Я так и думала... – Сухие бескровные губы жены мелко задрожали. – Ну что же, пусть будет так. Уж лучше так – честно. Я могу узнать, кому отдаю своего законного мужа? К кому ты уходишь?

Врать смысла не было. Они могут утром столкнуться возле лифта или вечером по возвращении с работы.

– Я ухожу к нашей соседке. К Насте, – ответил Панкратов и сделал еще один нетерпеливый шаг. – Так я пошел, Лен?

Она не тронулась с места. Сжалась вся, сгорбилась, потом спрятала лицо в ладонях и пробормотала сдавленно:

– На твоём месте я не стала бы так торопиться, Сережа.

– Ой, вот только не надо, Лен!!! Только не надо! – он не хотел, но снова повысил на нее голос. – Обещала отпустить меня без истерик!

– Нет никаких истерик, но торопиться тебе не нужно. – Её руки безвольно упали, спина поползла по двери, и его жена

с каким-то тупым звуком опустилась на пол.

– Почему?!

Ну, вот что было делать теперь, а?! Хватать ее в охапку, оттащить от двери, а если она начнет за него цепляться, рыдать? Вот черт! Никогда не думал, что уйти от жены окажется таким сложным делом. Никогда же раньше не пробовал.

– Почему мне не стоит торопиться, объясни! Между нами давно уже все кончено, Лен! Уже года два, как все остыло, почему не стоит торопиться!

– Да потому! – Ее обмякшее тело напряжилось, а лицо сделалось привычно злым и очень неприятным. – Потому что торопиться тебе не к кому! Нет ее, понял! Нет твоей Насти!!!

– Что ты мелешь, дура?! У нее свет горит во всех окнах. Она дома, – он поморщился, сочтя, что это очередная уловка его супруги. – Она дома, Лен. Дома...

– Нет ее, Сережа, – жена качнула головой. – Свет горит потому, что там кто-то из ее родственников.

– А Настя где?

Он поверил ей почему-то. Не стала бы она врать, рассудил он, так мелко и неубедительно. Он ведь может в любой момент проверить, позвонив в соседнюю квартиру.

– Настя... А Настю часа три назад увезли в больницу. – Ленка подобрала коленки повыше, легла на них щекой и продолжила без какой бы то ни было злобы или неприяз-

ни: – Увезли, как говорят, с черепно-мозговой травмой. Вроде родственница ее нашла. Приехала в гости к Насте, смотрит, дверь ее квартиры приоткрыта, она распахнула ее, а на пороге – хозяйка, вся в крови. Вот так-то, Сережа, а ты уходить к ней собрался. Не рановато ли?

Выдержка все же ей изменила, и последний вопрос был обильно сдобрен ядом. Он даже не почувствовал, как выскользнула сумка из рук. Не помнил, как отволоч в сторону брыкавшуюся Ленку, как потом перешагнул через нее, ударив дверью, которую та подпирала, по ее бедру. Ничего не соображал, врываясь в соседнюю квартиру, дверь в которую так и осталась незапертой.

– Где Настя?! – свистящим шепотом обронил он, нависая над пожилой женщиной, сидевшей в кухне и с задумчивым видом тянувшей из красивой чашки чай. – Где она?!

– Кто вы такой? – Она не испугалась его, просто вздрогнула от неожиданности, пролив чай на стол. – Почему врываетесь без стука в чужую квартиру к чужому человеку? На часы смотрели, молодой человек?

– Она мне не чужая! Где она?! – Он совершенно потерял рассудок, с силой ударив кулаком по столу. – Мне только что сказали, что она... Что ее увезли в больницу?!

– Кто сказал? – Выдержка у женщины была потрясающей, неожиданный стук по столу ее не вывел из равновесия, лишь заставил поморщиться.

– Жена моя сказала!

– Жена? – Губы незнакомки сложились в скептическую гримасу. – Странно, не находите? Настя вам не чужая, как вы утверждаете, хотя вы ей явно не родственник. Я ее тетка и всю родню знаю, как свою пятерню. Не чужая, и тут вдруг какая-то жена. Как это понимать?

– А понимать это надо следующим образом! – Панкратов выдернул из-под стола табурет и сел на него, уложив локти на стол. – Я люблю ее. И собирался к ней уйти сегодня. А жена... Она как бы уже бывшая.

– Как бы! – фыркнула противная тетка. – У моей девочки в жизни и так все сложилось не лучшим образом. Она пережила страшную трагедию. Теперь вот это странное, жутковатое происшествие. И тут вы еще валитесь ей на голову со своим семейством. Ах да, да, с бывшим семейством. Дети-то наверняка имеются?

– При чем тут дети?! И не валюсь я никуда! Я просто люблю ее, что, сложно понять?!

– Знаете, сложно. – Она ухмыльнулась недоверчиво, поставила опустевшую кружку на стол, скрестила руки на груди и уставилась на него, словно кожу с него снимать собиралась. – Еще вчера утром я говорила с ней по телефону, задавала обычные вопросы, получала обычные ответы, и там не было и намека ни на какую любовь.

– Утром и не было, – пробормотал Панкратов глуховато. – А потом появилось.

– Когда, если не секрет?

– Часов в пять, шесть, я не засекал. Она тоже. Нам хорошо было вместе. – Ему сделалось неловко под ее мудрым осуждающим взглядом. – Я не могу вам сейчас всего объяснить...

– Зато я могу! – перебила она его неожиданно и с гневным напором. – Зато я теперь могу указать милиции на возможного подозреваемого! И знаете, кого я подозреваю?

– Да в чем, в чем подозреваете-то?! Толком расскажите! И кого вы подозреваете?!

– Подозреваю вашу жену в том, что она тяжелым тупым предметом нанесла сильнейший удар сзади моей племяннице по голове!

– Значит, Настю... – Панкратов даже застонал вслух, перепугавшись так, что его затошнило. – Вы хотите сказать, что Настю кто-то ударил сзади?!

– Да!

– А где? На лестничной клетке или в квартире? – тут же проснулся в нем въедливый мент. – Где был нанесен удар этим предметом? С ней все в порядке?

– К счастью, она была в шапочке, и это сильно смягчило удар, иначе... – В лице женщины что-то надломилось, и она отчетливо всхлипнула. – Бедная девочка! Сколько испытаний, сколько испытаний!.. Так, мне теперь все ясно. Это точно ваша жена ее огрела, раз вы собирались ее бросить из-за Насти. Больше некому! Настенька никому не делала зла. Дружбы ни с кем не водила, на работе ситуация совершенно бесконфликтная, поскольку работает она в моей фирме...

Надо довести до сотрудников, где-то у меня визитка этого следователя...

Она покопалась в сумке, которую выудила из-под стола с соседней табуретки, достала мобильник, потом визитку, но номер набрать не успела. Панкратов грубо выдернул визитку у нее из пальцев.

– Погодите торопиться-то, ну! – пришлось ему прикрикнуть на нее, он быстро прочел фамилию на прямоугольной картонке. – Вот, и фамилия мне знакома. Коллега это мой. Мы сейчас с вами попытаемся воссоздать ситуацию, поразмышляем, и, если не придем к консенсусу, вы позвоните Геннадию. Если придем, то... То вы отвезете меня в то больничное отделение, куда отвезла Настю «Скорая». Идет? С ней и правда все в порядке, вы ничего от меня не скрываете?

– Не смертельно, – скрипнула противная тетка, возвращая себе визитку не очень вежливым жестом. – Так вы тоже милиционер? Ну все, торжества справедливости теперь не дождешься! Уж свою жену вы точно выгородите!

– Не собираюсь я никого выгораживать. – Панкратов полез во внутренний карман зимней куртки, достал пачку сигарет с зажигалкой и швырнул их на стол. – Курить позволите?

– Курите.

– Спасибо... Так вот, выгораживать я никого не собираюсь, но и несправедливых обвинений не потерплю. Ленка не могла знать о наших с Настей отношениях. Я сказал ей о своем решении уйти от нее к Насте десять минут назад.

– Она могла знать! – упрямилась женщина.

– Не могла, в том-то и дело! Потому что не было никаких отношений! Не было до вчерашнего дня. Я... Я давно любовался Настей, и разговор неоднократно пытался завести, она – ноль! А вчера... Вчера все было так неожиданно, как-то вспыхнуло все, и... Короче, все произошло прямо у порога! Уж простите мою откровенность.

– Ага... – пожилая женщина снова недоверчиво ухмыльнулась. – И вы хотите сказать, что после разового полового акта с моей племянницей, свершившегося прямо на пороге ее квартиры, вы решили оставить свою семью? Бред! Вы сами-то понимаете, что несете?!

– Нет, если честно. Но это так. Когда я уходил, сказал ей, что с работы вернусь к ней, и только к ней.

– Что же не вернулись? – поддела она его.

– Так я вернулся в четвертом часу утра. Был на происшествии. Побоялся побеспокоить. С утра проспал. Звонил, звонил в дверь, она не открыла. Уже ушла. А сейчас сумку собрал, а Ленка говорит... Короче, сначала она спросила, к кому я ухожу. А когда сказал – не спеши, говорит. Ее увезли в больницу. И вот я здесь.

– И вот вы здесь, – эхом повторила родственница Насти. – Странно все как-то... Она сегодня была у меня в кабинете. Мы поговорили. Она ни словом не обмолвилась о вас, но была какая-то... Не такая она была, как всегда. Улыбалась чему-то. Я ведь уже забыла, как она улыбается! Потом принес-

ла мне дурацкую статью про Дедов Морозов, орудующих в нашем городе, наверняка вы слышали?

– Да, это дело сейчас в разработке. А что, статья в газете вышла?

– Да, с предостережением. Чтобы граждане не были излишне доверчивы и так далее. Глупо, на мой взгляд. Эта перодедая шайка ведь ломилась в те квартиры, где никого не было, зачем же тогда предупреждать?

– Ну, здесь я не согласен, – возразил Панкратов. – Сигналы очевидцев в нашем деле – большое подспорье.

– Много вы на них внимания обращаете! – фыркнула она. – Ваш коллега позвонил в две двери, там никто и ничего не видел, с тем он и отбыл. Нет бы по всем подъездам пройтись, опросить.

– Так уже было около десяти часов, если не ошибаюсь. Многие спать легли. Вот утром... Кстати, раз уж мы завели разговор об опросе, не согласитесь ли вы ответить на пару вопросов? – Он даже руки на груди молитвенно сложил, чтобы уговорить сердитую тетку Анастасии.

– Хорошо, – кивнула она после недолгих раздумий. – Задавайте свои вопросы...

* * *

Отделение травматологии, куда Панкратова не впустили минувшей ночью, снова встретило его запертыми дверями и

неулыбчивыми сердитыми сотрудниками.

– Вот придет врач, с ним и говорите, – отмахивалась от него мокрой тряпкой, навёрнутой на швабру, громогласная уборщица. – Ему решать, к кому можно пройти, а к кому нет.

– Хорошо, а где он? – Ему удалось просунуть лишь голову и часть левого плеча в проем между дверью и притолокой.

– Доктор на операции, вот закончится операция, тогда и спросите.

– А когда она закончится? – закрипел он зубами.

– А я почему знаю! Ждите...

Панкратов ждал. Дождался, что называется. Уставший травматолог был категоричен. Настю увидеть не представляется никакой возможности, тем более задавать ей вопросы. Ну и что, что она пришла в сознание! Ну и что, что находится в доброй памяти! Беспокоить ее нельзя, а уж тем более спрашивать о чем-то!

– Позже. Немного позже, молодой человек. Понимаю ваше нетерпение, но... – врач развел руками. – Я сейчас несу ответственность за состояние ее здоровья и...

– Ладно, но ответьте мне тогда, как специалист: могла женщина нанести пострадавшей удар такой силы?

Тетка Анастасии заронила все же ему в душу зерно подозрения, которое за остаток ночи и весь сегодняшний день успешно дало свои всходы. И виной тому была не неожиданная влюбленность в Анастасию, а скорее то, что Ленка отвечать на его вопросы категорически отказалась. Рычала,

сквернословила и посылала его по всем мыслимым и немыслимым направлениям. Вообще вела себя как-то странно. Не захочешь – подсядешь на недоверие. И Тимур – тот еще фрукт. Ворвался в кухню, когда они за завтраком общались в обычной своей манере, и как заорет на него:

– Оставь мать в покое, ты – козел! Сам разбирайся со своими шлюхами!

Панкратов даже возмутиться не успел и догнать пацана, чтобы отвесить ему подзатыльник как следует. Как сидел с набитым подгоревшим омлетом ртом, так и окаменел.

– Вон оно как, – только и смог он выдать, когда за Тимуром с грохотом захлопнулась входная дверь. – Вон вы как, значит...

– Женщина? – Доктор пожал сухошавыми плечами под белым халатом. – Не знаю, может быть, сила ведь у всех разная. Женщины сейчас много времени проводят в тренажерных залах, и удар у некоторых очень хорошо поставлен. Только это должна быть очень высокая женщина.

– Высокая?

– Да, характер нанесенных ранений свидетельствует об этом.

Высокая женщина, высокая женщина...

Ленка не была очень высокой женщиной, она была чуть выше среднего роста. Настя была выше ее. Чтобы нанести под таким углом удар, ей потребовалось бы тогда встать на что-то. Или...

Или стоять в этот момент на ступеньках, ведущих на следующий этаж. Тогда Настя должна была находиться к ней строго спиной, то есть стоять спиной к ступенькам. А зачем ей так было стоять? Незачем, в том-то и дело! Она всегда от лифта проходила прямо к двери и открывала ее, поворачиваясь спиной к квартире напротив. И по лестнице, если она поднималась, когда лифт игнорировала, тоже так же – проходила прямо к двери. Стоять спиной к ступенькам, ведущим на этаж выше, Настя не могла. Значит, и Ленка не могла ее ударить. Почему тогда она ведет себя так странно? Только потому, что он уйти от нее к соседке собрался? Может быть, может быть...

Звонок Вани Воронина прозвучал, как всегда, не вовремя. Панкратов только-только попытался додуматься до чего-то. Только, кажется, что-то блеснуло у него в мешанине разных версий, как этот бестолковый малый позвонил.

– Здорово, Сереж, – приветствие прозвучало на вибрирующих нотках, верный признак того, что есть новости. – Будешь в отделе?

– Вряд ли. Дела есть кое-какие.

– А-а, ну-ну, если так, тогда ладно. А то тут кое-какая информация по нашему общему делу появилась.

– По какому делу?! – Панкратов тут же подумал о Насте, хотя это не было их общим делом, это было только его и ничье больше. – По вчерашнему?

– Да нет. Маньяка так и не поймали, Сереж, – ни черта не

понял, как всегда, Воронин. – Я про эту шайку переодетую.

– А-а, про Морозов этих гребаных. Так что ты имеешь мне сообщить, Иван Алексеевич?

– Они ведь вчера в твоём районе шастали, прикинь! Успели обчистить четыре квартиры, а на пятой спалились.

– Взяли их, что ли? Не тяни ты резину, Иван!

– Не взяли, а спугнули. Выскочили они из подъезда – и в разные стороны. Кто куда! Один, по словам очевидцев, в сторону твоего дома побежал, Сереж. Поспрашивал бы соседей. С тобой-то они будут более разговорчивы, сосед все-таки...

Не один, а два, болван, чуть было не оскорбил верного соратника Панкратов.

Два переодетых Дедами Морозами бандита рванули в сторону его дома. Двое их было!!! И один – как раз высокий! И бедная Настя, видимо, нарвалась на них, вернувшись домой.

Так, что же тогда выходит?

Она вернулась почему-то поздно. Это еще предстоит выяснить, где ее черти носили, когда ее намечающийся будущий муж доблестно нес вахту, стоя на страже и ее покоя тоже. Ладно, это все лирика, об этом потом. Так, значит, она возвращается. Подходит к своей квартире, и тут сзади ей наносят удар.

Не выходит! Зачем ее было бить, если она ничего и никого не видела?

Так увидела, значит! Увидела и забила тревогу, проявив

бдительность, к которой призывал граждан автор статьи. Она же ее внимательно прочла днем и даже тетке своей показывала.

Что получается теперь? Она увидела переодетых бандитов, хотела поднять тревогу, и ей не дали, ударив по голове. Взяли из рук ключи от квартиры, открыли дверь и втащили бесчувственное тело туда. Тут, правда, могли быть варианты. Настя сама могла перед этим открыть дверь и не успеть войти. Ее же ударили.

Опять что-то не клеится.

Если она сама открыла дверь, а потом увидела бандитов, то какого черта ей нужно было поворачиваться к ним спиной? Что-то не то...

– Надо разговорить соседей, – пробормотал Панкратов, смоя сигарету за сигаретой в собственном дворе, сидя за рулем давно остывшего автомобиля. – Завтра... Завтра с утра и начну...

Домой идти не хотелось. Да и можно ли считать теперь домом то место, откуда он вчера собрался уйти? Дом – это ведь нечто большее, чем просто стены, окно, мебель и спальное место. Дом – это...

Его должны были ждать там всегда. Ждать злого, уставшего, пьяного. Ждать, любить, надеяться на него. Этого давно уже не было в жизни Панкратова, очень давно. Единственное, на что он еще пока годился для своей жены, – это быть объектом скандала. Персоной, для которой приходилось го-

товить завтраки и ужины – обедал он дома крайне редко. Ну и еще, быть может, для того он еще там требовался, чтобы поменять прокладку в смесителе в ванной. Починить поломанный выключатель и вынести мусор поздним вечером, если жена и сын не сделали этого заблаговременно. Вечером они выходить из дома боялись. Вечером должен был тащить-ся с мусорными пакетами к ящикам за углом сам Панкратов.

– Тебе делать нечего! – всегда со злобным фырканьем парировала Ленка, когда он пытался возмутиться, вернувшись с работы измотанным и злым. – Хоть мусор-то вынеси, если ни на что более не способен...

Сегодняшний вечер не стал исключением. У Панкратова просто челюсти свело, когда он открыл дверцу шкафа под раковиной, чтобы выбросить шкурки от сосисок, и снова обнаружил там переполненное мусорное ведро.

– Эй, у вас что, совести нет, да?! – привычно рявкнул он, позабыв на время, что вроде уже собрался отсюда съезжать. – Вчера до полуночи тусовались, сегодня еще не спят, а мусора – полна кибитка!

Ленка отреагировала, не в пример себе, удивительно миролюбиво. Материализовалась в дверном кухонном проеме с крепко сжатыми кулаками в карманах домашнего халата. Поглядела на него как-то непривычно. Ах да, он же ей все успел сказать вчера, все он забывает... И тут же обронила, пожав плечами:

– Извини, Сережа. Вчера как-то не до этого было. А се-

годня... А сегодня мы с Тимкой уже перед тобой как бы не подотчетны. Хотим – выносим мусор, не хотим – не выносим. Это теперь только наша печаль, не твоя, это уж точно. Никто тебя не заставляет. Кстати, ты уже съехал или нет?

Панкратов лишь досадливо крикнул, присел на корточки и полез за ведром. Утрамбовал мусор, завязал углы темного полиэтилена, выдернул мешок из ведра и без лишних слов пошел в прихожую. Хорошо еще, что переодеться не успел в домашнее, только куртку с ботинками накинуть и придется.

– Так ты ушел или нет, Сережа? – Ленка шла за ним следом.

– Ушел я, ушел! – огрызнулся Панкратов, с третьей попытки попав в рукава куртки.

– Так съезжай из квартиры, чего тогда!..

– Когда надо будет, тогда и съеду! – снова огрызнулся он и поспешил за дверь.

Ему вот только теперь подобного рода разборок и не хватает, черт возьми! В тот момент, когда дорогой ему человек валяется на больничной койке с черепно-мозговой травмой, ему только и дела, что вступать в подобные дебаты. Именно сейчас, когда мысли заняты строительством новых версий, ему с Ленкой только отношения выяснять! Противная все же она баба! Правильно он сделал, что собрался уходить. И если не к Насте, то все равно куда-нибудь он уйдет. Хоть в общагу милицейскую, хоть на съемную квартиру, но уйдет.

Он вошел в лифт, дождался, пока дверцы с лязгом захлоп-

нутся, нажал кнопку первого этажа и с раздражением швырнул мусорный пакет на пол. Швырнул – и тут же уставился на него с недоумением. Пакет шлепнулся на пол со странным звуком. С тяжелым бряцанием, которое может произвести только что-то металлическое. Интересно, от чего Ленка решила избавиться? Ложки его любимые с вилками, что ли, собрала и выбросила? А что! Запросто в сердцах могла. Она же знает, что Панкратов дорожил своими столовыми приборами, притащив их аж из родительского дома.

Ох, как он разозлился! Как взбесился, кто бы знал!

Эти ложки и пару вилок – для второго и для рыбы – ему мать еще в детстве покупала, и тронуть их никто не смел, кроме него, ни в детстве далеком, ни в этом доме. А она теперь решила выбросить? Вот сука, а!

Панкратов присел, перевернул мусорный пакет, поморщился из-за крохотной лужицы, натекающей из него на пол лифта, и с брезгливой миной принялся ощупывать низ пакета. Нашупал! Нашупал – и изумился вторично. То, что бряцнуло об пол, не было ложками и вилками: это была связка ключей. Интересно, чьих? Его были при нем, в кармане. Он даже для верности полез туда, достал и проверил – те или нет. Все правильно, его ключи при нем. Тогда чьи ключи улетели в мусор? Не увидишь – не узнаешь! Пришлось надрывать крепкий полиэтилен, рыться в яичной скорлупе и колбасных шкурках, доставать эту чертову осклизлую связку и нести ее потом через весь двор двумя пальцами, чтобы не

выпачкаться.

Выбросив пакет с мусором, Панкратов захватил пригоршню снега и начал оттирать свою находку. Потом обсушил ключи полой куртки, вошел в подъезд, подошел поближе к лампочке над входом и стал рассматривать.

Ключей было немного, точнее, три. Один – предположительно от какого-то стола или тумбочки, а два – точно от дверных замков. Ни один из них никак не подходил к его двери. Тогда чьи они, черт побери?! Чьи и почему оказались на дне мусорного ведра?! Почему его жена или сын постарались от них избавиться? В чем секрет, в чем разгадка?!

Наверх он лифтом не поехал, пошел пешком, с трудом переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

Неужели все именно так, а? Неужели он что-то просмотрел? Что-то проворонил? И Ленка... Его Ленка, с которой они прожили бок о бок дюжину лет, могла совершить подобное? Но как? За что?! Она не могла знать о том, что произошло между ним и Настей в тот день. Не могла знать и догадываться о его решении. Почему она это сделала? Почему?!

А вот с ключами-то как раз все ясно. Ленка, дура, элементарно прокололась! Машинально бросила их в мусорное ведро, зная, что он, Панкратов, как бы поздно ни пришел, покорно отправится на помойку, для порядка рывкнув на нее... Привычка подвела. Но какая же она все-таки стерва!

Панкратов почти не сомневался, вставляя один из ключей в замочную скважину соседней квартиры, что он подойдет.

Он практически был в этом уверен и не ошибся. Ключ привычно повернулся, замок послушно лязгнул, дверь открылась. И никакого тут волшебства не было: просто ключ оказался родным. Ключ, который прежде лежал в Настиной сумочке или в кармане ее одежды.

Панкратов знал, что ключей не нашли на месте происшествия. Он уточнил это у сердитой Настиной тетки, когда та соблаговолила ответить на несколько его вопросов: этот – про ключи – он задал одним из первых. Ключи пропали, предположительно их унес с собой преступник, совершивший нападение. Но разве Панкратов мог знать тогда, что преступником окажется его собственная жена!

– О господи, что делать-то?! – простонал Панкратов, запираясь изнутри в Настиной квартире и проходя одетым в ее кухню. – Что делать-то, мент, станешь? Привлекать, дело заводить? Ох, беда, беда...

Он сунулся в чужой холодильник, достал початую бутылку водки – еще когда с теткой Настиной сидели, он ее углядел.

Тетка тогда полезла в холодильник за молоком к чаю, Панкратов водку и заприметил... Он открутил крышку и начал пить огромными глотками прямо из горлышка. Рыскать в темноте в поисках стакана он не стал, как не рискнул зажигать свет. Так и сидел в темноте, то и дело прикладываясь к бутылочному горлышку и шепотом с горечью повторяя:

– Вот что ты теперь станешь делать, мент?! Ты же честным

всегда себя считал! Что делать-то будешь?! Сдашь или нет мать своего ребенка?

Он не допил до конца, поняв, что сильно охмелел. Нет, голова по-прежнему соображала, хотя лучше бы наоборот. А вот ноги не слушались, и тело сделалось безвольным и словно ватным. Только и сумел, что добраться до первого попавшегося на пути дивана в чужой незнакомой квартире. Рухнул на него прямо в одежде и ботинках, перевернулся на спину и, прежде чем задремать, неожиданно снова подумал...

А зачем все же Ленка поднималась на те проклятые ступеньки, чтобы нанести удар? Она же стояла на них, ежу понятно. С высоты своего роста она не смогла бы ударить Настю по голове, экспертиза это подтверждает. Зачем?! Может, они поскандалили у дверей, и Настя ей все рассказала? Вряд ли. Настя – умная женщина. Не стала бы она трещать о том, в чем у нее самой уверенности не было. Она даже тетке своей родной ничего о нем не рассказала, лишь улыбалась загадочно. Что же там произошло? Что?! Ленка не расскажет. Ой, придется все же идти по соседям, ой, придется...

Тетю Наташу – пожилую женщину с первого этажа, которая с молчаливого благословения всех жильцов объявила себя старшей по подъезду, ему пришлось прождать долго. Ушла за пенсией, подсказала ему ее подруга и соседка по лестничной клетке. Скоро придет. Тетя Наташа шла ровно час. Панкратов весь истомился, без конца прогревая машину. Домой к себе он так с утра и не зашел. Противно было.

Да и боялся, что, увидев жену, не выдержит и...

Лучше было не рисковать, а попытаться сперва навести справки. Трое из опрошенных, те, чьи окна выходили во двор, в тот день ничего не видели. Темнеет рано, привычки сидеть возле подоконника, грея ноги на батарее, ни у кого, кроме тети Наташи, не было. А она, как на грех, запропастилась.

– Сереженька, голубчик, как я рада тебя видеть, – расплылась в улыбке полная пожилая женщина, безропотно позволяя взять у нее из рук тяжелые сумки с продуктами. – Почему не на работе?

– А я как раз и на работе, тетя Наташа. Я к вам по делу. Есть несколько вопросов. – Панкратов послушно замер за ее спиной, пока та долго ковырялась ключами в трех замках.

– А-а-а, поняла, поняла, – та сразу подобрала губы в жесткую скобочку. – Это по поводу того происшествия с Настенькой?

– Да, именно. С вами кто-нибудь уже проводил беседу?

– Да нет, никого не было. – Тетя Наташа вошла к себе, едва не споткнувшись о здоровенного черного кота, подлетевшего ей под ноги. – Да и не видела я никого подозрительного в тот вечер. Все как обычно. Рассказывать-то особо нечего.

– А вы, как обычно, сидели возле окна?

– Ну да. Телевизор я не люблю. А тут снежок повалил, красота. Тихо так падает, бесшумно. Я к окошку-то и прильнула. И ничего. Никого чужого. – Она стянула с головы

пуховую шаль, обмахнулась ею, поправила волосы, стащила старенькую цигейковую шубу, отдала ее Панкратову и пригласила его в комнату. – Ты проходи, проходи, Сереженька. Сейчас чайку организуем. Я тут за полцены черствые пончики купила в кафетерии. Сейчас распарю их, и чайку...

– Спасибо, тетя Наташа, некогда, – он не стал раздеваться, встав на пороге ее единственной комнаты. – Вы лучше вспомните, кто конкретно и когда входил в подъезд? Не сложно?

– Обижаешь, начальник! – воскликнула она совсем не по-стариковски и сама рассмеялась своей шутке. – О, как я тебя! Не обиделся, нет? Вот и хорошо... А кто входил... кто входил? Сначала мальчик твой пробежал, странный такой, смешной. Потом почти сразу Настенька зашла, сначала, правда, постояла, на небо посмотрела, голову все кверху поднимала, тоже, наверное, на снег любовалась. Потом супруга твоя... Она сначала – Леночка-то – спустилась в подвал, ключи еще у меня брала от входной двери. Потом вышла, ключи отдала...

– А зачем она в подвал-то ходила? – изумился Панкратов. – Что-то не сказала ничего.

Заставить Ленку посетить выделенную их ЖЭКом клетушку под домом можно было только под выстрелом. А тут вдруг поперлась, да еще так поздно!

– Так она за крестовиной для елки туда ходила. Говорит, самого-то вечно не дождешься, а елку, мол, ей обещали с

утра привезти. Елку, мол, привезут, а тети Наташи на месте не окажется. Вот она с вечера эту крестовину и достала из подвала. Я еще ей говорю, поругай мужа-то, Леночка, крестовина железная, тяжелая, наверное...

– Понятно, – перебил ее Панкратов.

Ему теперь стало ясно, чем именно Ленка шарахнула Настю по голове. Металлической крестовиной для новогодней елки! Эту крестовину Панкратов тоже привез из родительского дома и из своего счастливого детства. Прочная была, сваренная на заказ. Ленка ее притащила домой, чтобы с утра поставить елку. Но по дороге сцепилась с Настей по какой-то причине. Крестовину спрятала, и уж не до елки ей потом было – это точно.

– А мальчонка у тебя, Сереженька, забавный! Такой забавный! И на тебя очень похож. Так, может, все же выпьешь чаю, а? Хороший, наверное, мальчик...

– Да, да. – Панкратов двинулся к выходу. – Может, и хороший. Грубит часто, но они все в этом возрасте такие!

– Грубит? Ой, не знаю. Как такой мальчик может грубить? С детишками в школе утренники проводит, он сам мне сказал утром. И вдруг – грубит! Наговариваешь ты на свое дитя, Сереженька. – Тетя Наташа погрозила ему пальцем, провожая до двери.

Он споткнулся, медленно повернулся и, уставившись на соседку неестественно вытаращенными глазами, прошипел:

– Что он проводит с детишками в школе?!

– Утренники! Он сам сказал! – Тетя Наташа от вида его перекошенного страхом лица даже попятилась.

– Вы спросили, а он сказал, – подытожил Панкратов. – А что заставило вас спросить его об этом, тетя Наташа? Чем таким забавным удивил вас мой сын, что заставило вас ему поверить?

– Так он в костюме Деда Мороза был, Сереженька! Летел сломя голову из школы, потому что поздно уже было. Летел домой, подол в руках держал от морозовской-то шубы, глазенки испуганные... Боялся, наверное, что припозднился. Забавный мальчик...

Забавный мальчик! Очень забавный мальчик его сын, по совместительству – преступник, которого разыскивает вся городская милиция! Очень забавный мальчик: состоял в шайке бандитов, которых в тот вечер спугнули. И они бросились все наутек, кто куда. А он вот поспешил к себе домой. Влетел на этаж, начал открывать дверь. За этим его и застукала Настя и, памятуя обо всем, что писали в предостерегающей статье, тут же проявила бдительность. Она бы подняла шум, непременно. Она бы разоблачила преступника, который ковырялся в замке чужой квартиры, намереваясь ее ограбить. Это понимали все, включая Ленку, которая поднялась за ними следом с тяжелой металлической крестовиной для новогодней елки. Она не могла не узнать своего родного сына, если его успела узнать Настя. И первое, что она сделала, пытаясь его защитить, – ударила соседку что есть

сил по голове, прокравшись за спину и поднявшись на ступеньку выше. Потом, чтобы не привлечь ничьего внимания, пока Тимоха стоит, роняя сопли на пороге, она открывает дверь соседской квартиры. Втаскивает туда пострадавшую. Прикрывает дверь, опустив ключи себе в карман. А потом...

Потом начинаются разборки с сыном, затянувшиеся до его прихода. Поэтому-то она и сидела в гостиной на диване, забыв переодеться и снять сапоги. Разборки ни к чему не привели. Происшествие решили сохранить в тайне. Он ведь им не защитник! Он ведь может и под суд их обоих оттащить! Честный ведь, гад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.